

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 25

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1880-Х ГОДОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

У 25.7
87

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:

А. Е. ГРУВИНСКОГО, **И. К. ГУДЗИЯ,** **Н. В. ГУСЕВА,** **Н. К. ПИКСАНОВА,**
Ч. С. РОДИОНОВА, **П. Н. САКУЛИНА,** **В. И. СРЕЗНЕВСКОГО,** **А. Л. ТОЛСТОЙ,**
М. А. ЦВЕТОВСКОГО и **Е. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО**

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ В СОСТАВЕ:
В. Д. ВОНЧЕРОВИЧА, **И. К. ЛУНЦОВА** и **М. А. САВЕЛЬЕВА**

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ

25

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1937

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ДУРАКЕ И ЕГО ДВУХ БРАТЬЯХ:
СЕМЕНЕ-ВОИНЕ И ТАРАСЕ-БРЮХАНЕ И НЕМОЙ СЕСТРЕ
МАЛАНЬЕ, И О СТАРОМ ДЬЯВОЛЕ И ТРЕХ ЧЕРТЕНЯТАХ.

1.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый мужик. И было у богатого мужика три сына: Семен-воин, Тарас-брюхан и Иван-дурак, и дочь Маланья-векоуха, немая. Пошел Семен-воин на войну, царю служить, Тарас-брюхан пошел в город к купцу, торговать, а Иван-дурак с девкою остался дома работать, горб наживать. Выслужил себе Семен-воин 10 чин большой и вотчину и женился на барской дочери. Жалованье большое было и вотчина большая, а всё концы с концами не сводил: что муж соберет, всё жена-барыня рукавом растрясет; всё денег нет. И приехал Семен-воин в вотчину доходы собирать. Приказчик ему и говорит:

— Не с чего взять; нет у нас ни скотины, ни снасти, ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны; надо всего завести — тогда доходы будут.

И пошел Семен-воин к отцу:

— Ты, — говорит, — батюшка, богат, а мне ничего не дал. 20 Отдели мне третью часть, я в свою вотчину переведу.

— Старик и говорит:

— Ты мне в дом ничего не подавал, за что тебе третью часть давать? Ивану с девкой обидно будет.

А Семен говорит:

— Да ведь — он дурак, а она — векоуха немая; чего им надо?

Старик и говорит:

— Как Иван скажет.

А Иван говорит:

— Ну что ж, пускай берет.

Взял Семен-воин часть из дома, перевел в свою вотчину; опять уехал к царю служить.

Нажил и Тарас-брюхан денег много, — женился на купчихе, да всё ему мало было, приехал к отцу и говорит:

— Отдели мне мою часть.

Не хотел старик и Тарасу давать часть.

— Ты, — говорит, — нам ничего не подавал, а что в доме
10 есть, то Иван нажил. Тоже и его с девкой обидеть нельзя.

А Тарас говорит:

— На что ему, он дурак; жениться ему нельзя, никто не пойдет, а девке немой тоже ничего не нужно. Давай, говорит, Иван, мне хлеба половинную часть; я снасти брать не буду, а из скотины только жеребца сивого возьму, — тебе он пахать не годится».

Засмеялся Иван.

— Ну что ж, — говорит, — я пойду обротаю.

Отдали и Тарасу часть. Увез Тарас хлеб в город, увел жеребца
20 сивого, и остался Иван с одной кобылой старой попрежнему крестьянствовать — отца с матерью кормить.

II.

Досадно стало старому дьяволу, что не поссорились в дележе братья, а разошлись по любви. И кликнул он трех чертенят.

— Вот видите, — говорит, — три брата живут: Семен-воин, Тарас-брюхан и Иван-дурак. Надо бы им всем перессориться, а они мирно живут: друг с дружкой хлеб-соль водят. Дурак мне все дела испортил. Подите вы втроем, возьмитесь за троих и смутите их так, чтобы они друг дружке глаза повыдрали.
30 Можете ли это сделать?

— Можем, — говорят.

— Как же вы делать будете?

— А так, — говорят, — сделаем: разорим их сперва, чтоб им жрать нечего было, а потом собьем в одну кучу, они и передерутся.

— Ну, ладно, — говорит, — я вижу, — вы дело знаете; ступайте и ко мне не ворочайтесь, пока всех троих не смутите, а то со всех троих шкуру спущу.

Пошли чертенята все в болото, стали судить, как за дело браться; спорили, спорили, каждому хочется полегче работу выгадать, и порешили на том, что жеребий кинуть, какой кому достанется. А коли кто раньше других отделается, чтоб приходил другим подсоблять. Кинули жеребий чертенята и назначили срок, опять когда в болоте собраться, узнать, кто отделался и кому подсоблять идти.

Пришел срок, и собрались по уговору чертенята в болоте. Стали толковать, как у кого дела. Стал рассказывать первый чертенок — от Семена-воина. 10

— Мое дело, — говорит, — ладится. Завтра, — говорит, — мой Семен домой к отцу придет.

Стали его товарищи спрашивать:

— Как ты, — говорят, — сделал?

— А я, — говорит, — первым делом храбрость такую на Семена навел, что он обещал своему царю весь свет завоевать, и сделал царь Семена начальником, послал его воевать индейского царя. Сошлись воевать. А я в ту же ночь в Семеновом войске весь порох подмочил и пошел к индейскому царю из соломы солдат наделал видимо-невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на 20 них со всех сторон соломенные солдаты заходят, — заробели. Велел Семен воин палить: пушки, ружья не выходят. Испугались Семеновы солдаты и побежали, как бараны. И побил их индейский царь. Осрамился Семен-воин, отняли у него вотчину и завтра казнить хотят. Только мне на день и дела осталось, из темницы его выпустить, чтобы он домой убежал. Завтра отделаюсь, так сказывайте, кому из двух помогать приходиться?

Стал и другой чертенок, от Тараса, рассказывать про свои дела:

— Мне, — говорит, — помогать не нужно. Мое дело тоже на 30 лад пошло, больше недели не проживет Тарас. Я, — говорит, — первым делом отростил ему брюхо и навел на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сделалась, что, что ни увидит, всё ему купить хочется. Накупил он всего видимо-невидимо на все свои деньги и всё еще покупает. Теперь уж стал на заемные покупать. Уж много на шею набрал и запутался так, что не распутается. Через неделю сроки подойдут отдавать, а я из всего товара его навоз сделаю, — не расплатится и придет к отцу.

Стали спрашивать и третьего чертенка, от Ивана. 40

— А твое дело как?

— Да что, — говорит, — мое дело не ладится. Наплевал я ему первым делом в кувшин с квасом, чтобы у него живот болел, и пошел на его пашню, сбил землю, как камень, чтоб он не осилил. Думал я, что он не вспашет, а он, дурак, приехал с сохой, начал драть. Кряхтит от живота, а сам всё пашет. Изломал я ему одну соху, — поехал дурак домой, переладил другую, подвои новые подвязал и опять принялся пахать. Залез я под землю, стал за сошники держать, не удержишь никак, — налегает на соху, а сошники острые; изрезал мне руки все. Почти всё допахал, одна только полоска осталась. Приходите, — говорит, — братцы, помогать, а то, как мы его одного не осилим, все наши труды пропадут. Если дурак останется, да крестьянствовать будет, они нужды не увидят, он обоих братьев кормить будет.

Пообещал чертенок от Семена-воина назавтра приходить помогать, и разошлись на том чертенята.

III.

Вспахал Иван весь пар, только одна полоска осталась. Приехал допахивать. Болит у него живот, а пахать надо. Выхлестнул гужи, перевернул соху и поехал пахать. Только завернулся раз, поехал назад — ровно за корень зацепило что-то — волочет. А это чертенок ногами вокруг рассохи заплел, — держит. «Что за чудо! — думает Иван. — Корней тут не было, а корень». Запустил Иван руку в борозду, ощупал — мягкое. Ухватил что-то, вытащил. Черное, как корень, а на корне что-то шевелится. Глядь — чертенок живой.

— Ишь ты, — говорит, — пакость какая!

Замахнулся Иван, хотел о приголовок пришибить его, да запищал чертенок:

— Не бей ты меня, — говорит, — а я тебе, что хочешь, сделаю.

— Что ж ты мне сделаешь?

— Скажи только, чего хочешь.

Почесался Иван.

— Брюхо, — говорит, — болит у меня — поправить можешь?

— Могу, — говорит.

— Ну, лечи.

Нагнулся чертенок в борозду, пошарил, пошарил когтями, выхватил корешок-тройчатку, подал Ивану.

— Вот, — говорит, — кто ни проглотит один корешок, всякая боль пройдет.

Взял Иван, разорвал корешки, проглотил один. Сейчас живот прошел.

Запросился опять чертенок.

— Пусти, — говорит, — теперь меня, я в землю проскочу — больше ходить не буду.

— Ну что ж, — говорит, — Бог с тобой!

И как только сказал Иван про Бога, — юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась. За-10 сунул Иван два остальных корешка в шапку и стал допахивать. Запахал до конца полоску, перевернул соху и поехал домой. Отпрёг, пришел в избу, а старший брат, Семен-воин, сидит с женой — ужинают. Отняли у него вотчину, — насилиу из тюрьмы ушел и прибежал к отцу жить.

Увидал Семен Ивана.

— Я, — говорит, — к тебе жить приехал; корми нас с женой, пока место новое выйдет.

— Ну что ж, — говорит, — живите.

Только хотел Иван на лавку сесть, — не понравился барыне дух от Ивана. Она и говорит мужу:

— Не могу я, — говорит, — с вонючим мужиком вместе ужинать.

Семен-воин и говорит:

— Моя барыня говорит: от тебя дух не хорош, — ты бы в сенях поел.

— Ну что ж, — говорит. — Мне и так в ночное пора — кобылу кормить.

Взял Иван хлеба, кафтан и поехал в ночное.

IV.

Отделался в эту ночь чертенок от Семена-воина и пришел по уговору Иванова чертенка искать — ему помогать дурака донимать. Пришел на пашню; поискал, поискал товарища, — нет нигде, только дыру нашел. «Ну, — думает, — видно с товарищем беда случилась, надо на его место становиться. Пашня допахана, — надо будет дурака на покосе донимать».

Пошел чертенок в луга, напустил на Иванов покос паводок; затянуло весь покос грязью. Вернулся на зорьке Иван из

ночного, отбил косу, пошел луга косить. Пришел Иван, стал косить; махнет раз, махнет другой — затупится коса, не режет, точить надо. Бился, бился Иван.

— Нет, — говорит, — пойду домой, отбой принесу да и хлеба ковригу. Хоть неделю пробьюсь, а не уйду, пока не выкошу.

Услыхал чертенок — задумался.

— Калян, — говорит, — дурак этот, не проймешь его. Надо на другие штуки подниматься.

Пришел Иван, отбил косу, стал косить. Залез чертенок в траву, стал косу за пятку ловить, носком в землю тыкать. Трудно Ивану, однако выкосил покос, — осталась одна делянка в болоте. Залез чертенок в болото, думает себе:

— Хоть лапы перережу, а не дам выкосить.

Зашел Иван в болото; трава — смотреть — не густая, а не проворотить косы. Рассердился Иван, начал во всю мочь махать; стал чертенок подаваться — не поспевает отскакивать; видит — дело плохо, забился в куст. Размахнулся Иван, шаркнул по кусту, отхватил чертенку половину хвоста. Докосил Иван покос, велел девке грести, а сам пошел рожь косить.

Вышел с крюком, а кургузый чертенок уж там, перепутал рожь так, что на крюк нейдет. Вернулся Иван, взял серп и принялся жать — выжал всю рожь.

— Ну, теперь, — говорит, — надо за овес браться.

Услыхал кургузый чертенок, думает: «На ржи не донял, так на овсе дойму, дай только утра дожждаться». Прибежал чертенок утром на овсяное поле, а овес уже скошен: Иван его ночью скошил, чтоб меньше сыпался. Рассердился чертенок.

— Изрезал, — говорит, — меня и замучил дурак. И на войне такой беды не видал! Не спит проклятый, за ним не поспеешь! Пойду, — говорит, — теперь в копны, прогною ему всё.

И пошел чертенок в ржаную копну, залез между снопами — стал гноить: согрел их и сам согрелся и задремал.

А Иван запрёт кобылу и поехал с девкой возить. Подъехал к копне, стал кидать на воз. Скинул два снопа, сунул, — прямо чертенку в зад; поднял — глядь: на вилах чертенок живой, да еще кургузый, барахтается, ужимается, соскочить хочет.

— Ишь ты, — говорит, — пакость какая! Ты опять тут?

— Я, — говорит, — другой, то мой брат был. А я, — говорит, — у твоего брата Семена был.

— Ну, — говорит, — какой ты там ни будь, и тебе то же

будет! — Хотел его об грядку пришибить, да стал его просить чертенюк.

— Отпусти, — говорит, — больше не буду, а я тебе что хочешь сделаю.

— Да что ты сделать можешь?

— А я, — говорит, — могу из чего хочешь солдат сделать.

— Да на что их?

— А на что, говорит, хочешь их поверни; они всё могут.

— Песни играть могут?

10

— Могут.

— Ну что ж, — говорит, — сделай.

И сказал чертенюк:

— Возьми ты, вот, сноп ржаной, тряхни его о землю гузом и скажи только: велит мой холоп, чтоб был не сноп, а сколько в тебе соломинок, столько бы солдат.

Взял Иван сноп, тряхнул оземь и сказал, как велел чертенюк. И раскочился сноп, и сделались солдаты, и впереди барабанщик и трубач играют. Засмеялся Иван.

— Ишь ты, — говорит, — как ловко! Это, — говорит, — хорошо, — девок веселить.

— Ну, — говорит чертенюк, — пусти же теперь.

— Нет, — говорит, — это я старновки делать буду, а то даром зерно пропадает. Научи, как опять в сноп поворотить. Я его обмолочу.

Чертенюк и говорит:

— Скажи: сколько солдат, столько соломинок. Велит мой холоп, будь опять сноп!

Сказал так Иван, и стал опять сноп.

И стал опять проситься чертенюк.

11

— Пусти, — говорит, — теперь.

— Ну что ж!

Зацепил его Иван за грядку, придержал рукой, сдернул с вил.

— С Богом, — говорит. — И только сказал про Бога, — юркнул чертенюк под землю, как камень в воду, только дыра осталась.

Приехал Иван домой, а дома и другой брат, Тарас, с женой сидят — ужинают. Не расчелся Тарас-брюхан, убежал от долгов и пришел к отцу. Увидал Ивана.

12

— Ну, — говорит, — Иван, пока я расторгуюсь, корми нас с женой.

— Ну что ж, — говорит, — живите.

Снял Иван кафтан, сел к столу.

А купчиха говорит:

— Я, — говорит, — с дураком кушать не могу: от него, — говорит, — потом воняет.

Тарас-брюхан и говорит:

— От тебя, — говорит, — Иван, дух не хорош, — пооди,
10 в сенях поешь.

— Ну что ж, — говорит.

Взял хлеба, ушел на двор.

— Мне, — говорит, — кстати в ночное пора — кобылу кормить.

V.

Отделался в эту ночь и от Тараса чертенок — пришел по уговору товарищам помогать — Ивана-дурака донимать. Пришел на пашню, поискал, поискал товарищей — нет никого, только дыру нашел. Пошел на луга — в болоте хвост нашел, а на ржаном жниве и другую дыру нашел. «Ну, — думает, — видно, над товарищами беда случилась, надо на их место становиться, за дурака приниматься».

Пошел чертенок Ивана искать. А Иван уж с поля убрался, в роще лес рубит.

Стало братьям тесно жить вместе, велели дураку себе на избы лес рубить, новые дома строить.

Прибежал чертенок в лес, залез в сучья, стал мешать Ивану деревья валить. Подрубил Иван дерево как надо, чтоб на чистое место упало, стал валить — дуром пошло дерево, повалилось
20 куда не надо, на суках застряло. Вырубил Иван рочаг, начал отворачивать — насилу свалил дерево. Стал Иван рубить другое — опять то же. Бился, бился, насилу выпростал. Взялся за третье — опять то же. Думал Иван хлыстов полсотни срубить, и десятка не срубил, а уж ночь на дворе. И замучался Иван. Валит от него пар, как туман по лесу пошел, а он всё не бросает. Подрубил он еще дерево, и заломило ему спину, так что мочи не стало; воткнул топор и присел отдохнуть. Услыхал чертенок, что затих Иван, обрадовался. «Ну, — думает, — выбился из сил — бросит; отдохну теперь и я». Сел верхом на

сук и радуется. А Иван поднялся, вынул топор, размахнулся да как тянет с другой с стороны, сразу затрещало дерево — грохнулось. Не спомаялся чертенок, не успел ног выпростать, сломался сук и зацемил чертенка за лапу. Стал Иван очищать — глядь: чертенок живой. Удивился Иван.

— Ишь ты, — говорит, — пакость какая! Ты опять тут?

— Я, — говорит, — другой. Я у твоего брата Тараса был.

— Ну, какой бы ты ни был, а тебе то же будет!

Замахнулся Иван топором, хотел его обухом пристукнуть. Взмолвился чертенок. 10

— Не бей, — говорит, — меня, я тебе что хочешь сделаю.

— Да что ж ты сделать можешь?

— А я, — говорит, — могу тебе денег сколько хочешь наделать.

— Ну что ж, — говорит, — наделай!

И научил его чертенок.

— Возьми ты, — говорит, — листу дубового с этого дуба и потри в руках. Наземь золото падать будет.

Взял Иван листьев, потер — посыпалось золото.

— Это, — говорит, — хорошо, когда на гулянках с ребя- ²⁹тами играть.

— Пусти же, — говорит чертенок.

— Ну что ж! — Взял Иван рочаг, выпростал чертенка. — Бог с тобой! — говорит. — И как только сказал про Бога, — юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась.

VI.

Построили братья дома и стали жить порознь. А Иван убрался с поля, пива наварил и позвал братьев гулять. Не пошли братья к Ивану в гости. 30

— Не видали мы, — говорят, — мужицкого гулянья.

Угостил Иван мужиков, баб и сам выпил — захмелел и пошел на улицу в хороводы. Подошел Иван к хороводам, велел бабам себя величать.

— Я, — говорит, — вам того дам, чего вы в жизнь не видали. — Посмеялись бабы и стали его величать. Отвеличали и говорят:

— Ну, что ж, давай.

— Сейчас, — говорит, — принесу. — Ухватил севалку, побежал в лес. Смеются бабы: «то-то дурак!» И забыли про него. Глядь: бежит Иван назад, несет севалку полную чего-то.

— Одевать, что ли?

— Одевай.

Захватил Иван горсть золота — кинул бабам. Батюшки! Бросились бабы подбирать; выскочили мужики, друг у дружки рвут, отнимают. Старуху одну чуть до смерти не задавили. Смеется Иван.

16 — Ах, вы дурачки, — говорит, — зачем вы бабушку задавили. Вы полегче, а я вам еще дам. — Стал еще швырять. Сбежался народ — расшвырял Иван всю севалку. Стали просить еще. А Иван говорит:

— Вся. Другой раз еще дам. Теперь давайте плясать, играйте песни.

Заиграли бабы песни.

— Не хороши, — говорит, — ваши песни.

— Какие же, — говорят, — лучше?

— А я, — говорит, — вот вам покажу сейчас.

20 Пошел на гумно, выдернул сноп, обил его, поставил на гузо, стукнул.

— Ну, — говорит, — сделай холоп, чтоб был не сноп; а каждая соломинка — солдат.

Расскочился сноп, стали солдаты; заиграли барабаны, трубы. Велел Иван солдатам песни играть, вышел с ними на улицу. Удивился народ. Поиграли солдаты песни, и увел их Иван назад на гумно, а сам не велел никому за собой ходить, и сделал опять солдат снопом, бросил на одонье. Пришел домой и лег спать в закуту.

30

VII.

Узнал на утро про эти дела старший брат Семен-воин, приходит к Ивану.

— Открой ты мне, — говорит, — откуда ты солдат приводил и куда увел?

— А на что, — говорит, — тебе?

— Как на что? С солдатами всё сделать можно. Можно себе царство добыть.

Удивился Иван.

— Ну? Что ж ты,—говорит,—давно не сказал? Я тебе сколько хочешь наделаю. Благо мы с девкой много насторновали.

Повел Иван брата на гумно и говорит:

— Смотри же, я их делать буду, а ты их уводи, а то коли их кормить, так они в один день всю деревню слопают.

Обещал Семен-воин увести солдат, и начал Иван их делать. Стукнет по току снопом — рота; стукнет другим — другая; наделал их столько, что всё поле захватили.

— Что ж, будет, что ли?

Обрадовался Семен и говорит:

10

— Будет. Спасибо, Иван.

— То-то, — говорит. — Коли тебе еще надо, ты приходи, я еще наделаю. Соломы нынче много.

Сейчас распорядился Семен-воин войском, собрал их как следует и пошел воевать.

Только ушел Семен-воин, приходит Тарас-брюхан, — тоже узнал про вчерашнее дело, стал брата просить:

— Открой мне, откуда ты золотые деньги берешь? Кабы у меня такие вольные деньги были, я бы к этим деньгам со всего света деньги собрал.

20

Удивился Иван.

— Ну! Ты бы давно, — говорит, — мне сказал. Я тебе сколько хочешь натру.

Обрадовался брат:

— Дай мне хоть севалки три.

— Ну что ж, — говорит, — пойдем в лес, а то лошадь запряги, — не унесешь.

Поехали в лес; стал Иван с дуба листья натирать. Насыпал кучу большую.

— Будет, что ли?

30

Обрадовался Тарас.

— Пока будет, — говорит. — Спасибо, Иван.

— То-то, — говорит. — Коли тебе еще надо, приходи, я натру еще, — листу много осталось.

Набрал Тарас-брюхан денег воз целый и уехал торговать.

Уехали оба брата. И стал Семен воевать, а Тарас торговать. И завоевал себе Семен-воин царство, а Тарас-брюхан наторговал денег кучу большую.

Сошлись братья вместе и открылись друг другу: откуда у Семена солдаты, а у Тараса деньги.

40

Семен-воин и говорит брату:

— Я, — говорит, — царство себе завоевал, и мне жить хо-
рошо, только у меня денег нехватка — солдат кормить.

А Тарас-брюхан говорит:

— А я, — говорит, — нажил денег бугор большой, только
одно, — говорит, — горе — караулить денег некому.

Семен-воин и говорит:

— Пойдем, — говорит, — к брату Ивану, — я велю ему еще
солдат наделать — тебе отдам твои деньги караулить, а ты
10 вели ему мне денег натереть, чтоб было чем солдат кормить.

И поехали они к Ивану. Приезжают к Ивану. Семен и говорит:

— Мне мало, братец, моих солдат, сделай мне, — говорит, —
еще солдат, хоть копны две переделай.

Замотал головой Иван. — Даром, — говорит, — не стану
больше тебе солдат делать.

— Да как же, — говорит, — ты обещал?

— Обещал, — говорит, — да не стану больше.

— Да отчего ж, ты, дурак, не станешь?

— А оттого, что твои солдаты человека до смерти убили. Я на-
20 медни пашу у дороги: вижу, баба по дороге гроб везет, а сама
воет. Я спросил: «Кто помер?» Она говорит: «Мужа Семеновы
солдаты на войне убили». Я думал, что солдаты будут песни
играть, а они человека до смерти убили. Не дам больше.

Так и уперся, не стал больше делать солдат.

Стал и Тарас-брюхан просить Ивана-дурака, чтоб он ему
еще золотых денег наделал.

Замотал головой Иван.

— Даром, — говорит, — не стану больше тереть.

— Да как же ты, — говорит, — обещал?

30 — Обещал, — говорит, — да не стану больше.

— Да отчего же ты, дурак, не станешь?

— А оттого, что твои золотые у Михайловны корову отняли.

— Как отняли?

— Так отняли. Была у Михайловны корова, ребята молоко
хлебали, а намедни пришли ее ребята ко мне молока просить.
Я и говорю им: «А ваша корова где?» — Говорят: «Тараса-брю-
хана приказчик приезжал, мамушке три золотые штучки дал,
а она ему и отдала корову, нам теперь хлебать нечего». Я думал,
ты золотыми штучками играть хочешь, а ты у ребят корову
40 отнял. Не дам больше!

И уперся дурак, не дал больше. Так и уехали братья.

Уехали братья и стали судить, как им своему горю помочь. Семен и говорит:

— Давай вот что сделаем. Ты мне денег дай — солдат кормить, а я тебе половину царства с солдатами отдам — твои деньги караулить.

Согласился Тарас. Поделились братья, и стали оба царями и оба богаты.

VIII.

А Иван дома жил, отца с матерью кормил, с немой девкой в поле работал.

Только случилось раз, заболела у Ивана собака дворная старая, опаршивела, стала издыхать. Пожалел ее Иван — взял хлеба у немой, положил в шапку, вынес собаке, кинул ей. А шапка продралась, и выпал с хлебом один корешок. Сlopала его с хлебом собака старая. И только проглотила корешок, вскочила собака, заиграла, залаяла, хвостом замахала — здорова стала.

Увидали отец с матерью, удивились.

— Чем ты, — говорят, — собаку вылечил?

А Иван и говорит:

— У меня два корешка были — от всякой боли лечат, так она и слопала один.

И случилось в это время, что заболела у царя дочь, и повестил царь по всем городам и селам — кто вылечит ее, того он наградит, и если холостой, за того и дочь замуж отдаст. Повестили и у Ивана в деревне.

Позвали отец с матерью Ивана и говорят ему:

— Слышал ты, что царь повещает? Ты сказывал, что у тебя корешок есть, поезжай, вылечи царскую дочь. Ты навек за счастье получишь.

— Ну что ж, — говорит.

И собрался Иван ехать. Одели его, выходит Иван на крыльцо, видит — стоит побирушка косорукая.

— Слышала я, — говорит, — что ты лечишь? Вылечи мне руку, а то и обуться сама не могу.

Иван и говорит:

— Ну что ж!

Достал корешок, дал побирушке, велел проглотить. Проглотила побирушка и выздоровела, сейчас стала рукой махать. Вышли отец с матерью Ивана к царю провожать, услышали, что Иван последний корешок отдал и нечем царскую дочь лечить, стали его отец с матерью ругать.

— Побирушку, — говорят, — пожалел, а царскую дочь не жалеешь!

Жалко стало Ивану и царскую дочь. Запрёг он лошадь, кинул соломы в ящик и сел ехать.

10 — Да куда же ты, дурак?

— Царскую дочь лечить.

— Да ведь тебе лечить нечем?

— Ну что ж, — говорит, — и погнал лошадь.

Приехал на царский двор и только ступил на крыльцо, выздоровела царская дочь.

Обрадовался царь, велел звать к себе Ивана, одел его, нарядил.

— Будь, — говорит, — ты мне зятем.

— Ну что ж, — говорит.

20 И женился Иван на царевне. А царь вскоре помер. И стал Иван царем. Так стали царями все три брата.

IX.

Жили три брата — царствовали.

Хорошо жил старший брат Семен-воин. Набрал он со своими соломенными солдатами настоящих солдат. Велел он по всему своему царству с 10 дворов по солдату поставлять, и чтобы был солдат тот и ростом велик, и телом бел, и лицом чист. И набрал он таких солдат много и всех обучил. И как кто ему в чем поперечит, сейчас посылает этих солдат и делает всё, как ему вздумается. И стали его все бояться.

30 И житье ему было хорошее. Что только задумает и на что только глазами вскинет, то и его. Пошлет солдат, а те отберут и принесут и приведут всё, что ему нужно.

Хорошо жил и Тарас-брюхан. Он свои деньги, что забрал от Ивана, не растерял, а большой прирост им сделал. Завел он у себя в царстве порядки хорошие. Деньги держал он у себя в сундуках, а с народу взыскивал деньги. Взыскивал он деньги и с души, и с водки, и с пива, и со свадьбы, и с похорон, и с проходу, и с проезду, и с лаптей, и с онуч, и с оборок. И что ни

вздумает, всё у него есть. За денежки к нему всего несут и работать идут, потому что всякому деньги нужны.

Не плохо жил и Иван-дурак. Как только похоронил тестя, снял он всё царское платье — жене отдал в сундук спрятать, — опять надел посконную рубаху, портки и лапти обул и взялся за работу.

— Скучно, — говорит, — мне: брюхо расти стало, и еды и сна нет.

Привез отца с матерью и девку немую и стал опять работать.

Ему и говорят:

— Да ведь ты царь!

— Ну что ж, — говорит, — и царю жрать надо.

Пришел к нему министр, — говорит:

— У нас, — говорит, — денег нет жалованье платить.

— Ну что ж, — говорит, — нет, так и не плати.

— Да они, — говорит, — служить не станут.

— Ну что ж, — говорит, — пускай, — говорит, — не служат, им свободнее работать будет; пускай навоз вывозят, они много его нанавозили.

Пришли к Ивану судиться. Один говорит:

— Он у меня деньги украл.

А Иван говорит:

— Ну что ж! значит, ему нужно.

Узнали все, что Иван — дурак. Жена ему и говорит:

— Про тебя говорят, что ты дурак.

— Ну что ж, — говорит.

Подумала, подумала жена Иванова, а она тоже дура была.

— Что же мне, — говорит, — против мужа идти? Куда вголка, туда и нитка.

Посняла царское платье, положила в сундук, пошла к 30
девке немой работе учиться. Научилась работать, стала мужу подсоблять.

И ушли из Иванова царства все умные, остались одни дураки. Денег ни у кого не было. Жили — работали, сами кормились и людей добрых кормили.

X.

Ждал, ждал старый дьявол вестей от чертенят о том, как они трех братьев разорили, — нет вестей никаких. Пошел сам проведать; искал, искал, нигде не нашел, только три дыры

отыскал. «Ну, — думает, — видно, не осилили, — надо самому приниматься».

Пошел разыскивать, а братьев на старых местах уже нет. Нашел он их в разных царствах. Все три живут-царствуют. Обидно показалось старому дьяволу.

— Ну, — говорит, — возьмусь-ка я сам за дело.

Пошел он прежде всего к Семену-царю. Пошел он не в своем виде, а оборотился воеводой, — прпехал к Семену-царю.

— Слышал я, — говорит, — что ты, Семен-царь, воин большой, ¹⁰ а я этому делу твердо научен, хочу тебе послужить.

Стал его расспрашивать Семен-царь, видит: человек умный, — взял на службу.

Стал новый воевода Семена-царя научать, как сильное войско собрать.

— Первое дело, надо, — говорит, — больше солдат собрать, а то, — говорит, — у тебя в царстве много народа дурно гуляет. Надо, — говорит, — всех молодых без разбора забрить, тогда у тебя войска впятеро против прежнего будет. Второе дело — надо ружья и пушки новые завести. Я тебе такие ружья заведу, что ²⁰ будут сразу по сту пуль выпускать, как горохом будут сыпать. А пушки заведу такие, что они будут огнем жечь. Человека ли, лошадь ли, стену ли — всё сожжет.

Послушался Семен-царь воеводы нового, велел всех под ряд молодых ребят в солдаты брать, и заводы новые завел; наделал ружей, пушек новых и сейчас же на соседнего царя войной пошел. Только вышло навстречу войско, велел Семен-царь своим солдатам пустить по нем пулями и огнем из пушек; сразу перекалечил, пережег половину войска. Испугался соседний царь, покорился и царство свое отдал. Обрадовался ³⁰ Семен-царь.

— Теперь, — говорит, — я индийского царя завоюю.

А индийский царь услышал про Семена-царя и перенял от него все его выдумки, да еще свои выдумал. Стал индийский царь не одних молодых ребят в солдаты брать, а и всех баб холостых в солдаты забрал, и стало у него войска еще больше, чем у Семена-царя, а ружья и пушки все от Семена-царя перенял, да еще придумал по воздуху летать и бомбы разрывные сверху кидать.

Пошел Семен-царь войной на индийского царя, думал, как ⁴⁰ и прежнего, повоевать, да — резала коса, да нарезалась.

Не допустил царь индейский Семенова войска до выстрела, а послал своих баб по воздуху на Семеново войско разрывные бомбы кидать. Стали бабы сверху на Семеново войско, как буру на тараканов, бомбы посыпать; разбежалось всё войско Семеново, и остался Семен-царь один. Забрал индейский царь Семеново царство, а Семен-воин убежал куда глаза глядят.

Обделал этого брата старый дьявол и пошел к Тарасу-царю. Оборотился он в купца и поселился в Тарасовом царстве, стал заведенье заводить, стал денежки выпускать. Стал купец за всякую вещь дорого платить, и бросился весь народ к купцу ¹⁰ деньги добывать. И завелось у народа денег так много, что все недоимки выплатили и в срок все подати подавать стали.

Обрадовался Тарас-царь. «Спасибо,—думает,—купцу, теперь у меня денег еще прибавится, житье мое еще лучше станет». И стал Тарас-царь новые затеи затевать, зачал себе новый дворец строить. Повестил народу, чтоб везли ему лес, камень и шли работать, назначил за всё цены высокие. Думал Тарас-царь, что попрежнему за его денежки повалит к нему народ работать. Глядь, весь лес и камень к купцу везут, и весь рабо- ²⁰ чий народ к нему валит. Прибавил Тарас-царь цену, а купец еще накинул. У Тараса-царя денег много, а у купца еще больше, и перебил купец царскую цену. Стал дворец царский; не строится. Затеян был у Тараса-царя сад. Пришла осень. Повещает Тарас-царь, чтоб народ шел к нему сад сажать, — не выходит никто, весь народ купцу пруд копает. Пришла зима. Задумал Тарас-царь мехов собольих купить на шубу новую. Посылает покупать, приходит посол, говорит:

— Нету соболей, — все меха у купца, он дороже дал и из соболей ковер сделал. ³⁰

Понадобилось Тарасу-царю себе жеребцов купить. Послал покупать, приходят послы: все жеребцы хорошие у купца, ему воду возят пруд наливать. Стали все дела царские, ничего ему не делают, а всё делают купцу, а ему только купцовы деньги несут, за подати отдают.

И набралось у царя денег столько, что класть некуда, а житье плохое стало. Перестал уж царь затеи затевать; только бы уж как-нибудь прожить, и того не может. Во всем стеснение стало. Стали от него и повара, и кучера, и слуги к купцу отходить. Стало уж и еды недоставать. Пошлет на базар купить что — ⁴⁰

ничего нет: всё купец перекупил, а ему только денежки за подати несут.

Рассердился Тарас-царь и выслал купца за границу. А купец на самой на границе сел — всё то же делает: всё так же за купцовы денежки от царя тащат всё к купцу. Совсем плохо царю стало, по целым дням не ест, да еще слух прошел, что купец хвалится, что он у царя и жену его купить хочет. Заробел царь Тарас и не знает, как быть.

Приезжает к нему Семен-воин и говорит:

10 — Поддержи, — говорит, — меня, — меня индейский царь повоевал.

А Тарасу-царю самому уж узлом к гузну дошло.

— Я, — говорит, — сам два дни не ел.

XI.

Обделал старый дьявол обоих братьев и пошел к Ивану. Оборотился старый дьявол в воеводу, пришел к Ивану и стал его уговаривать, чтоб он у себя войско завел.

— Царю, — говорит, — не годится без войска жить. Ты мне прикажи только, а я соберу из твоего народу солдат и войско
20 заведу.

Отслушал его Иван.

— Ну что ж, — говорит, — заведи, да песни их научи играть половчее, я это люблю.

Стал старый дьявол по Иванову царству ходить, солдат по воле собирать. Объявил, чтоб шли все лыбы брить — каждому штоф водки и красная шапка будет.

Посмеялись дураки.

— Вино, — говорят, — у нас вольное, мы сами курим, а шапки нам бабы какле хочешь, хоть пестрые сошьют, да еще с мо-
30 храмн.

Так и не пошел никто. Приходит старый дьявол к Ивану.

— Нейдут, — говорит, — твои дураки охотой, — надо их силóm пригонять.

— Ну что ж, — говорит, — пригоняй силóm.

И повестил старый дьявол, чтоб шли все дураки в солдаты записываться, а кто не пойдет, того Иван смерти предаст.

Пришли дураки к воеводе и говорят:

— Говоришь ты нам, что, коли мы в солдаты не пойдем,

нас царь смерти предаст, а не сказываешь, что с нами в солдате будет. Сказывают, и солдат до смерти убивают.

— Да, не без того.

Услыхали это дураки, уперлись.

— Не пойдем, — говорят. — Уж лучше пускай дома смерти предадут. Ее и так не миновать.

— Дураки вы, дураки! — говорит старый дьявол. — Солдата еще убьют ли, нет ли, а не пойдешь — Иван-царь наверно смерти предаст.

Задумались дураки, пошли к царю Ивану-дураку спрашивать:

— Проявился, — говорят, — воевода, велит нам всем в солдаты идти. «Колп пойдете, — говорит, — в солдаты, там вас убьют ли, нет ли, а не пойдете, так вас царь Иван наверно смерти предаст». Правда ли это?

Засмеялся Иван.

— Как же, — говорит, — я один вас всех смерти предам? Кабы я не дурак был, я бы вам растолковал, а то я и сам не пойму.

— Так мы, — говорят, — не пойдем.

20

— Ну что ж, — говорит, — не ходите.

Пошли дураки к воеводе и отказались в солдаты идти.

Видит старый дьявол — не берет его дело; пошел к тараканскому царю, подделался.

— Пойдем, — говорит, — войной, завоюем Ивана-царя. У него только денег нет, а хлеба и скота и всякого добра много.

Пошел тараканский царь войною. Собрал войско большое, ружья, пушки наладил, вышел на границу, стал в Иваново царство входить.

Пришли к Ивану и говорят:

30

— На нас тараканский царь войной идет.

— Ну что ж, — говорит, — пускай идет.

Перешел тараканский царь с войском границу, послал передовых разыскивать Иваново войско. Искали, искали — нет войска. Ждать-пождать — не окажется ли где? И слуха нет про войско, не с кем воевать. Послал тараканский царь захватить деревни. Пришли солдаты в одну деревню — выскочили дураки, дуры, смотрят на солдат, дивятся. Стали солдаты отбирать у дураков хлеб, скотину; дураки отдают, и никто не обороняется. Пошли солдаты в другую деревню — всё тоже. Похо-

дили солдаты день, походили другой — везде всё то же; — всё отдают — никто не обороняется и зовут к себе жить.

— Коли вам, сердешные, — говорят, — на вашей стороне житье плохое, приходите к нам совсем жить.

Походили, походили солдаты, видят — нет войска; а всё народ живет, кормится и людей кормит, и не обороняется, и зовет к себе жить.

Скучно стало солдатам, пришли к своему тараканскому царю.

— Не можем мы, — говорят, — воевать, отведи нас в другое место; добро бы война была, а это что — как кисель резать. Не можем больше тут воевать.

Рассердился тараканский царь, велел солдатам по всему царству пройти, разорить деревни, дома, хлеб сжечь, скотину перебить.

— Не послушаете, — говорит, — моего приказа, всех, — говорит, — вас расказню.

Испугались солдаты, начали по царскому указу делать. Стали дома, хлеб жечь, скотину бить. Всё не обороняются дураки, только плачут. Плачут старики, плачут старухи, плачут малые ребята.

— За что, — говорят, — вы нас обижаете? Зачем, — говорят, — вы добро дурно губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите.

Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и всё войско разбежалось.

XII.

Так и ушел старый дьявол — не пронял Ивана солдатами.

Оборотился старый дьявол в господина чистого и приехал в Иваново царство жить: хотел его, так же как Тараса-брюхана, деньгами пронять.

— Я, — говорит, — хочу вам добро сделать, уму-разуму научить. Я, — говорит, — у вас дом построю и заведение заведу.

— Ну что ж, — говорят, — живи.

Переносил господин чистый и на утро вышел на площадь, вынес мешок большой золота и лист бумаги и говорит:

— Живете вы, — говорит, — все, как свиньи, — хочу я вас научить, как жить надо. Стройте мне, — говорит, — дом по плану по этому. Вы работайте, а я показывать буду и золотые деньги вам буду платить.

И показал им золото. Удивились дураки: у них денег в заводе не было, а они друг дружке вещь за вещь меняли и работой платили. Подивились они на золото.

— Хороши, — говорят, — штучки.

И стали господину за золотые штучки вещи и работу менять. Стал старый дьявол, как и у Тараса, золото выпускать, и стали ему за золото всякие вещи менять и всякие работы работать. Обрадовался старый дьявол, думает: «Пошло мое дело на лад! Разорю теперь дурака, как и Тараса, и куплю его с потрохом со всем». Только забрались дураки золотыми деньгами, роздали ¹⁰ всем бабам на ожерелья, все девки в косы вплели, и ребята уж на улице в штучки играть стали. У всех много стало и не стали больше брать. А у господина чистого еще хоромы наполовину не отстроены и хлеба и скотины еще не запасено на год, и повещает господин, чтоб шли к нему работать, чтоб ему хлеб везли, скотину вели; за всякую вещь и за всякую работу золотых много давать будет.

Нейдет никто работать и не несут ничего. Забежит мальчик или девочка, яичко на золотой променяет, а то нет никого, — и есть ему стало нечего. Проголодался господин чистый, пошел ²⁰ по деревне — себе на обед купить. Сунулся в один двор, дает золотой за курицу, — не берет хозяйка.

— У меня, — говорит, — много и так.

Сунулся к бобылке — селедку купить, дает золотой.

— Не нужно мне, — говорит, — милый человек, у меня, — говорит, — детей нет, играть некому, а я и то три штучки для редкости взяла.

Сунулся к мужику за хлебом. Не взял и мужик денег:

— Мне не нужно, — говорит. — Нешто ради Христа, — говорит, — так погоди, я велю бабе отрезать. ³⁰

Заплевал даже дьявол, убежал от мужика. Не то, что взять ради Христа, а и слышать-то ему это слово — хуже ножа.

Так и не добыл хлеба. Забрались все. Куда ни пойдет старый дьявол, никто не дает ничего за деньги, а все говорят:

— Что-нибудь другое принеси, или приходи работать, или ради Христа возьми.

А у дьявола нет ничего кроме денег, работать не охота; а ради Христа нельзя ему взять. Рассердился старый дьявол. ⁴⁰

— Чего. — говорит, — вам еще нужно, когда я вам деньги даю? Вы за золото всего купите и всякого работника наймете.

Не слушают его дураки.

— Нет, — говорят, — нам не нужно: с нас платы и податей никакных нейдет, — куда же нам деньги?

Лег не ужинавши спать старый дьявол.

Дошло это дело до Ивана-дурака. Пришли к нему, спрашивают:

— Что нам делать? Проявился у нас господин чистый: ¹⁰ есть, пить любит сладко, одеваться любит чисто, а работать не хочет и Христа ради не просит и только золотые штучки всем дает. Давали ему прежде всего, пока не забрались, а теперь не дают больше. Что нам с ним делать? Как бы не помер с голода.

Отслушал Иван.

— Ну что ж, — говорит, — кормить надо. Пускай по дворам, как пастух, ходит.

Нечего делать, стал старый дьявол по дворам ходить.

Дошла очередь и до Иванова двора. Пришел старый дьявол обедать, а у Ивана девка немая обедать собирала. Обманывали ²⁰ ее часто те, кто поленивее. Не работавши придут раньше к обеду, всю кашу поедят. И исхитрилась девка немая лодырей по рукам узнавать: у кого мозоли на руках, того сажает, а у кого нет, тому объедки дает. Полез старый дьявол за стол, а немая девка ухватила его за руки, посмотрела — нет мозолей, и руки чистые, гладкие, и ногти длинные. Замычала немая и вытащила дьявола из-за стола.

А Иванова жена ему и говорит:

— Не взыщи, господин чистый, золовка у нас без мозолей на руках за стол не пускает. Вот, дай срок, люди поедят, ³⁰ тогда доедай, что останется.

Обиделся старый дьявол, что его у царя с свиньями кормить хотят. Стал Ивану говорить:

— Дурацкий, — говорит, — у тебя закон в царстве, чтобы всем людям руками работать. Это вы по глупости придумали. Разве одними руками люди работают? Ты думаешь, чем умные люди работают?

А Иван говорит:

— Где нам, дуракам, знать, мы всё норовим больше руками да горбом.

⁴⁰ — Это оттого, что вы дураки. А я, — говорит, — научу

вас, как головой работать; тогда вы узнаете, что головой работать скорее, чем руками.

Удивился Иван.

— Ну, — говорит, — не даром нас дураками зовут!

И стал старый дьявол говорить:

— Только не легко, — говорит, — и головой работать. Вы вот мне есть не даете оттого, что у меня нет мозолей на руках, а того не знаете, что головой во сто раз труднее работать. Другой раз и голова трещит.

Задумался Иван.

10

— Зачем же ты, — говорит, — сердешный, так себя мучаешь? Разве легко, как голова затрещит? Ты бы уж лучше легкую делал работу — руками да горбом.

А дьявол говорит:

— Затем я себя и мучаю, что я вас, дураков, жалею. Кабы я себя не мучал, вы бы век дураками были. А я головой поработал, теперь и вас научу.

Подвинулся Иван.

— Научи, — говорит, — а то другой раз руки уморятся, так их головой переменить.

20

И обещался дьявол научить.

И повестил Иван по всему царству, что проявился господин чистый и будет всех учить, как головой работать, и что головой можно выработать больше, чем руками, — чтоб приходили учиться.

Была в Ивановом царстве каланча высокая построена, и на нее лестница прямая, а наверху вышка. И свел Иван туда господина, чтобы ему на виду быть.

Стал господин на каланчу и начал оттуда говорить. А дураки собрались смотреть. Дураки думали, что господин станет на деле показывать, как без рук головой работать. А старый дьявол только на словах учил, как не работамши прожить можно.

Не поняли ничего дураки. Посмотрели, посмотрели и разошлись по своим делам.

Простоял старый дьявол день на каланче, простоял другой, — всё говорил. Захотелось ему есть. А дураки и не догадались хлебца ему на каланчу принести. Они думали, что если он головой может лучше рук работать, так уж хлеба-то себе шутя головой добудет. Простоял и другой день старый дьявол на

40

вышке, — всё говорил. А народ подойдет, посмотрит-посмотрит и разойдется. Спрашивает и Иван:

— Ну, что господин, начал ли головой работать?

— Нет еще, — говорят, — всё еще лопочет.

Простоял еще день старый дьявол на вышке и стал слабеть; пошатнулся раз и стукнулся головой об столб. Увидал один дурак, сказал Ивановой жене, а Иванова жена прибежала к мужу на пашню.

— Пойдем, — говорит, — смотреть: говорят, господин за-
10 чинает головой работать.

Подивился Иван:

— Ну? — говорят.

Завернул лошадь, пошел к каланче. Приходит к каланче, а старый дьявол уж вовсе с голоду ослабел, стал пошатываться, головой об столбы постукивать. Только подошел Иван, спотыкнулся дьявол, упал и загремел под лестницу торчмя головой, — все ступеньки пересчитал.

— Ну, — говорит Иван, — правду сказал господин чистый, что другой раз и голова затрещит. Это не то что мозоли, от
20 такой работы желваки на голове будут.

Свалился старый дьявол под лестницу и уткнулся головой в землю. Хотел Иван подойти посмотреть, много ли он работал, вдруг расступилась земля, и провалился старый дьявол сквозь землю, только дыра осталась. Почесался Иван.

— Ишь ты, — говорит, — пакость какая! Это опять он! Должно, батька тем, — здоровый какой!

Живет Иван и до сих пор, и народ весь валит в его царство, и братья пришли к нему, и их он кормит. Кто придет скажет: «Корми нас». — «Ну что ж, — говорит, — живите — у нас всего
30 много».

Только один обычай у него и есть в царстве: у кого мо-
воли на руках — полезай за стол, а у кого нет — тому объедки.

КОММЕНТАРИИ

«СКАЗКА ОБ ИВАНЕ ДУРАКЕ И ЕГО ДВУХ БРАТЬЯХ».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

«Сказка об Иване дураке и его двух братьях» не имела в своей основе какого-нибудь заимствованного из народного источника сюжета, как это видим и в других того же времени сказках, сказаниях и легендах Толстого; в ней есть только обычный, простой и излюбленный мотив народных сказок про трех братьев — двух хитрых и третьего — простака и про конечную победу простоты над хитростью. Этим и ограничивается сходство сказки об Иване дураке Толстого с народной. Взяв основой своего рассказа трех братьев народной сказки, Толстой по этой канве дает в простой, общепонятной форме резкую политическую сатиру. По его собственным словам, приводимым П. И. Бирюковым,¹ в старшем брате Семеновоине он хотел изобразить идею милитаризма, получившую такое сильное развитие у нас при Николае I, в Тарасе-Брюхане (в некоторых рукописях — Кулаке) дать картину капиталистического строя, развившегося у нас впоследствии, и в Иване-дураке — изображение крестьянского царства, которое является постоянным обличием паразитизма привилегированных классов. Это была основная мысль Толстого в сказке.

Писание сказки, в начале имевшей короткое название «Иван Дурак», было начато в августе или сентябре 1885 г. С. А. Толстая, обыкновенно сообщавшая своей сестре Т. А. Кузминской все связанные с Л. Н. Толстым интересные и животрепещущие новости, в сентябре 1885 г. в своем письме к ней пишет, что им написана «чудесная сказка»; он «прочел нам и мы все пришли в восторг». Это была первая редакция сказки. «Теперь, — прибавляет Софья Андреевна, — он ее старательно переделывает».² В конце октября сказка была закончена и 23 октября 1885 г. Толстой пишет В. Г. Черткову, что «хорошо бы было ее издать у Сытина»,³ т. е. в «Посреднике», что, конечно, дало бы более широкое распространение сказке, чем издание в «Собрании сочинений», что он уже обещал жене.⁴ Толстой был почти уверен, впрочем, что «цензура не пропустит»⁵ ее; сатира на государственную власть была в ней выставлена так очевидно и резко, что нельзя было

¹ П. И. Бирюков. Биография, т. 3, М. 1923, стр. 23.

² Там же, т. 3, стр. 23.

³ См. том 85, стр. 270.

⁴ П. И. Бирюков, Биография, т. 3, стр. 23.

⁵ Письмо Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову. См. т. 85, стр. 270.

не бояться цензуры, особенно в народном издании; поэтому Толстой думал попытаться напечатать ее или в «Неделе», или в «Полном собрании» (из того же письма). Из письма Толстого к жене из Ясной поляны явствует, что из сообщения ему П. И. Бирюкова из Петербурга видно, что «редактор», вероятно, «Недели», т. е. П. П. Гайдебуров, берет напечатать сказку, но с некоторыми пропусками; ¹ хотя сначала Толстой и сам склонялся к этому, тут он отказался от прежней мысли и остановился на том, как он пишет Софье Андреевне, что «не лучше ли в самом деле (пустить сказку) в Полное собрание, как ты хотела». «Так что, — прибавляет он, — я отложил до твоей поездки в Петербург; там с Страховым рассудите».

Толстой был доволен своей сказкой: «мне эта сказка нравится — пишет он В. Г. Черткову. — Желал бы знать ваше впечатление». ² Чертков познакомился со сказкой уже не в первой редакции, очень отличающейся от следующих, а в другой, довольно близкой к окончательной — третьей, но всё-таки дающей некоторые существенные варианты. В своем письме 11 ноября 1885 г. Чертков высказывает свое несогласие с некоторыми выражениями сказки, которые, по его мнению, следует изменить («кое-что есть, мне кажется, что не совсем удачно и немножко вредит»); так он был против выражения «земец» купец и против последних слов рассказа «со свињьями»; «они здесь не нужны и вредят». В. Г. Чертков предлагает такое окончание: «Только один есть у него обычай в царстве — у кого моволи на руках — полезай за стол, а у кого нет — тому объедки». «Понятие о законе — говорит В. Г. Чертков, — в царстве Ивана Дурачка противоречит его характеру: там всё больше, ну что ж». С этими поправками Толстой легко согласился и переделал свой текст в последней фразе уже в корректуре; в письме 18 ноября к Черткову он говорит: «ваши замечания о Иване Дураке я воспользовался». ³ Прежде последняя фраза сказки читалась так: «Только один закон у него и есть в царстве: у кого моволи на руках — полезай за стол, у кого нет — тому объедки со свињьями».

В ноябре 1885 г. С. А. Толстая, приступая к своей издательской деятельности новым 5-м изданием «Сочинений графа Л. Н. Толстого», сразу столкнулась с цензурой из-за 12-й части, заключающей в себе произведения последних лет; она должна была сама ехать в Петербург с хлопотами перед высшими чиновниками; она даже была готова обратиться к Александру III, хотя сам Толстой и просил ее «не разлетаться» к царю и «даже и к Толстому (т. е. Дмитрию Андреевичу — министру внутренних дел) лучше не ездить»; «если по их соображениям, — прибавляет он, — можно, то можно, а если нет, то только кровь себе будешь портить». ⁴ В эту же XII-ю часть, между прочим, должна была войти и сказка об Иване Дураке. Оставленная в Главном управлении по делам печати XII-я часть, только в середине апреля 1886 г. через 5 месяцев получила разрешение цензуры, но за исключением статьи «В чем моя вера». Толстой, обыкновенно относившийся безразлично к цензурным преследованиям его статей, на этот раз был чрез-

¹ Письма Л. Н. Толстого к жене. М. 1915, стр. 277.

² См. том 85, стр. 270.

³ См. т. 85, стр. 280.

⁴ Письма Л. Н. Толстого к жене. М. 1915 от 21 ноября 1886 г. стр. 286.

вычайно доволен разрешением сказки. Получив известие о благополучном исходе дела, он писал жене (около 9 апреля) из Ясной поляны, куда ушел из Москвы пешком вместе с Н. Н. Ге и М. А. Стаховичем, в таких словах: «Радуюсь за тебя, за 12-ю часть, и для себя радуюсь преимущественно за Ивана-Дурака». ¹

Тогда же, 22 апреля 1886 г. было разрешено и отдельное издание сказки «Посреднику». Но на это издание, как народное, цензура наложила свою руку, оберегая будущих его читателей от фраз и слов, могущих внушить им неуважение к царской власти и государственному устройству, говорящих против воинской повинности и военной службы, против податей и иных финансовых обложений населения, что Толстой юмористически называет в сказке «порядками хорошими». Одно место выпущено по цензурным соображениям и из изд. 1886 г.; оно касается косвенных налогов (стр. 70) — его мы восстанавливаем. Следует еще отметить, что в нескольких местах сказка весьма вероятно подверглась совсем иного характера, домашней, так сказать, цензуре, которой Лев Николаевич подчинился; так в гл. 8-й Толстой до самой первой корректуры про собаку Ивана Дурака несколько раз говорит просто и определенно «кобель старый», но потом в корректуре изменяет это место менее красочным выражением «собака старая». Это место, как вошедшее в изд. 1886 г. и таким образом прошедшее корректуру автора, конечно, остается без изменения. Менее значительную переделку (пропуск одного слова — гувно, нарушающий смысл) восстанавливаем.

«Сказка об Иване Дураке», вышедшая в феврале 1887 г. (2-м изд.), уже в тот же месяц была арестована Московским цензурным комитетом, а в октябре запрещена к перепечатке Главным управлением по делам печати. Запрещения повторялись в 1892 и потом в 1893 г. В 1892 г. сказка даже вызвала особое распоряжение, касающееся прежних изданий, — воспрещение «розничной продажи сказки на улицах, площадях и других публичных местах, а равно чрез ходящих и офеней». Только в 1906 г. сказка получила право свободного печатания.

Интересен отзыв о сказке духовного цензора, члена комитета духовной цензуры архимандрита Тихона в 1887 году. «Сказка об Иване Дураке, — говорит он, — проводит, можно сказать принципиально мысли о возможности быть царству без войны, без денег, без науки, без купли и продажи, даже без царя, который по крайней мере ничем не должен отличаться от мужика — мысли о единственно полезном и законном труде — мовольном. Здесь, в этой сказке, прямо осмеиваются современные условия жизни: политические (необходимость содержать войска), экономические (значение денег) и социальные (значение умственного труда)».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Сохранилось пять рукописей, заключающих в себе «Сказку об Иване дураке» и одна корректура в листах. Все принадлежат Государственному Толстовскому музею и хранятся там в папке 11, под №№: 22, 23, 24, 25, 26 (архив В. Г. Черткова) и Инв. 1093. Листы корректуры принадлежат Государственному Литературному музею.

¹ Письма Л. Н. Толстого к жене. М. 1915, стр. 293.

1) № 22. Автограф. 4°, 15 лл. в переплетенной и прошнурованной сверху и снизу тетради из толстой нелинованной писчей бумаги. Всего в тетради 72 листа, заполнено из них 15. Л. 1. писан только с оборота. На нем выноска из текста, начинающегося на л. 2. Заглавие «Иван Дурак». Много поправок, поправок и дополнений, главным образом, на полях. *Начало*: «Жиль был старикъ съ старухой и было у него три сына — Семень и Тарась умные, а третій Иванъ дуракъ»...

2) Рукопись № 23. Копия с предыдущей рукою А. П. Иванова. 4°, 21 лл. нелинованной писчей бумаги с клеймом фабрики Говарда. Писано на обеих сторонах. Со многими поправками, дополнениями и переделками Толстого; эта рукопись представляет новую редакцию. Заглавие рукой переписчика: «Иван дурак. Сказка». Здесь Тарас называется кулаком, а не бреханом. Эта редакция включает в себе эпизод об англичанине — купце в Ивановом царстве; эпизод впоследствии значительно переделан, англичанин заменен немцем, наконец, господином чистым. См. варианты. *Начало*: «Было у богатаго мужика три сына: Семень воинъ, Тарась кулак и Иванъ дуракъ»... Последний л. — 21 об. и 7 строк на лицевой стороне в обратную сторону к тексту Толстого — включает начало списка сказки в первой редакции, рукою С. А. Толстой.

3) Рукопись № 24. Копия рукою А. П. Иванова. Это список копии с предыдущей рукописи. 4°, 12 лл. нелинованной писчей бумаги с клеймом фабрики Говарда (?). Писано без полей. Между строчками — многочисленные поправки рукою Толстого. Рукопись эта дает не весь текст сказки, а отрывки. Листы помечены цифрами: 4, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25 (два листа), 26 и 31. Все листы кроме 17 об. перечеркнуты переписчиком следующей копии вертикально, а л. 25 перечеркнут еще и по диагоналям; л. 25 а — копия листа 25-го. Рукопись № 24 представляет собою третью редакцию сказки. *Начало*: «и до тѣхъ поръ не отходилъ, пока не покончить»... и содержит в себе: середину главы 2-й, конец 7-й главы, VIII, IX, X, XI начало и отрывок из середины XI-й главы. *Конец*: «Это оттого, что вы дураки. А я, говорить, научу...»

4) Рукопись № 25. Копия с предыдущей, сохранившейся, как сказано выше, не полностью; рукою А. П. Иванова. 4°, 33 лл. (л. 33 пустой) нелинованной писчей бумаги фабрики Говарда. С поправками и дополнениями Толстого. Назвать рукопись № 25 однако новой редакцией нельзя, как и следующую рукопись. Заглавие рукой переписчика на первом листе: «Сказка об Иване дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брехане и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах». *Начало*: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ богатый мужикъ»...

5) Рукопись ГТМ, инв. 1093. Копия рукою А. П. Иванова. 4°, 28 лл. нелинованной писчей бумаги фабрики Говарда. *Начало*: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ богатый мужикъ». С поправками Толстого и написанным его рукою и зачеркнутым эпиграфом из Мф. V, 43—48: «Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ и молитесь за унижающихъ васъ и гонящихъ васъ. Да будете сынами отца

вашего небеснаго, ибо онъ повелѣлъ солнцу своему восходить надъ злыми и надъ добрыми, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ, ибо если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда, не то ли же дѣлаютъ и язычники. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? не то ли же дѣлаютъ и язычники? Итакъ, будьте совершенны, какъ совершенъ отецъ вашъ небесный».

Эта копия с несохранившейся рукописи, очень близкой к № 25, служила оригиналом при наборе Сказки для «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», ч. двенадцатая М. 1886 г., стр. 123—152, что доказывается отметками фамилий наборщиков и буквой «Ч» — читал (корректор?) на каждой странице рукописи. Разница между последними рукописями № 25 и 1093 и изд. 1886 г., возникла в результате исправлений Толстого в корректуре.

6) В ГЛМ (шифр 2457/2) хранятся стр. 291 — 294 (гл. XII) последней корректуры с рядом стилистических поправок рукой Толстого, которые все вошли в текст 1886 г. Эта часть корректуры *начинается словами*: «Обиделся старый дьявол».

Так как установлено, что текст издания сочинений 1886 г. корректуровался самим Толстым, то в основу настоящего издания и положен он, с просмотром по рукописям.
